

Л.В. Бакиновский

ЧТО-ТО ТЕРЯЕМ, ЧТО-ТО НАХОДИМ...

В Лабораторию Н.К. Кочеткова в ИХПС мы, трое однокурсников, Сергей Кара-Мурза, Миша Грачёв и я, пришли в 1960 г. выполнять дипломную работу. Сейчас мы знаем Сергея Кара-Мурзу как «историка и теоретика науки, филоософа, политолога и публициста» («Википедия»), автора многочисленных книг. М.А. Грачев – академик, директор Института лимнологии РАН.

С самим Николаем Константиновичем мы были знакомы гораздо раньше: с 1956 г. виртуально (правда, тогда такого слова ещё не было) – он в это время был в своей знаменитой и переломной командировке в Англии, а с 1957 г. – реально. До его возвращения из-за границы, да и потом тоже, нашей работой на кафедре на химфаке МГУ командовал, в основном, Эдик Нифантьев (тогда аспирант, отчество практически не употреблялось).

Кочеткову приходилось гасить скандалы, связанные с нашим поведением в лаборатории. Например, не всем нравилось, что мы слишком громко пели из репертуара Шаляпина:

Прощай, ра-адость, жизнь моя!
Знаю, едешь без меня-а-а-а!



На химфаке мы, как и многие другие в лаборатории Николая Константиновича, занимались β -хлорвинилкетонами. Когда понадобилось большое количество MeCOCH=CHCl , мы решили изменить масштаб синтеза и от стекла перешли к металлу. Грачев принес из дома эмалированную кастрюлю, в крышке проделали отверстия для трубки, через которую подавался ацетилен, для мешалки и для дозатора AlCl_3 , крышку закрепили струбцинами. И синтез прошел! А отмыть нашу кастрюлю от черной смолы было гораздо проще, чем обычную колбу. По этому поводу была даже публикация в «Журнале прикладной химии»; для меня это была первая статья!

В здании ИХПС вскоре после его организации в 1959 г. мы, еще студенты, побывали как бы на экскурсии. Незабываемое впечатление: в Институте идет ремонт, а Леня Лихошерстов отгоняет растворитель в приборе, собранном «на пристеночке», – химического стола еще не было.

Руководителем моей дипломной работы в ИХПС был А.Ф. Бочков. Впрочем, когда я в начале сентября пришел в Лабораторию, самого Леши не было – он был на Камчатке в походе, и мной некоторое время руководил Олег Чижов, с которым я был знаком еще с химфака. В песне, которую спели на банкете по поводу защиты моей кандидатской диссертации, были такие слова:

А диплом я делал у Бочкова,
Делал у Бочкова, вам говорят!

По результатам этой работы послали статью в «Доклады Академии наук СССР». Всё хорошо, но в заглавии была опечатка: «...3,4,6-тетра-О-ацетил...». После защиты диплома нас всех взяли в ИХПС, кого в аспирантуру, кого нет: я стал старшим лаборантом.

В это время, как мне кажется, все продолжали и учиться, и одновременно учить «братьев меньших». В конференц-зале проходили заседания «ликбеза» – ознакомление всех желающих с передовой техникой, прежде всего, с хроматографией. Помню слова В.Е. Васьяковского: «Колонка для хроматографии должна быть разумной высоты, хотя новичку может показаться, что на длинной колонке он и аномеры глюкозы разделит». Многие из того, чему мы учились, сразу «шло в дело», например, та же колоночная хроматография или гель-хроматография на только что вошедшем в мировую практику сефадексе. А о таком суперсовременном аналитическом методе, как ГЖХ, можно было только мечтать.

Из занятий-лекций по химии углеводов выросла знаменитая «Черная книга» – «Химия углеводов»; те, кто читал лекции в ИХПС, стали соавторами. Это Бочков, Дмитриев, Усов, Чижов, Шibaев. Легенда гласит, что, когда один из штатных редакторов издательства «Химия» посмотрел на макеты схем и уравнений реакций на суперобложке и форзаце, он сказал Усову: «Мне не нравится. Я бы изобразил все это вот так». На что Усов ответил: «Да, Вы правы. Так гораздо красивее. Жаль только, что неправильно».

Мечты не оставались только мечтами: в Лаборатории постепенно появлялись новые современные приборы. Проблема, вероятно, была не столько в деньгах, сколько в доступности реальных приборов и, по мнению Кочеткова, месте для них: «Вы мне скажите, куда вы это поставите?!». Но если на горизонте маячил прибор, то и место находилось. Так в Лаборатории появился газовый хроматограф, настоящий мастодонт. Не помню, чтобы на нем реально работали, но прибор уже был! Еще появились (не в Лаборатории, в Институте) спектрометр ЯМР и масс-спектрометр. Масс-спектры на рулонах бумаги расстилали в коридоре во всю его длину. Красота! Хотя эти спектры и отличались от нынешних масс-спектров, у нас уже было представление о том, что это такое; мы росли вместе с приборами. Попутно мы узнавали о спектрах ^1H и ^{13}C ЯМР.



А.С. Шашков

Поэтому, когда несколько лет спустя Шibaев соблазнил А.С. Шашкова перейти в ИОХ, тот попал на «удобренную почву». Прихода Шашкова ждали, он был востребован. И урожай не заставил себя ждать. Кто в мире ходит в лидерах цитирования? Не Александр ли Степанович? А с чего начиналось? Со спектра $\text{CH}_3\text{CH}_2\text{OH}$ с тремя горбиками протонных пиков, полученного Володей Шейченко на первом в ИХПС ЯМР-спектрометре.

Лабораторные коллоквиумы представляли собой не только отчеты о полученных результатах, о завершенном исследовании – часто это было обсуждение текущей удачной (или не очень) работы. Леня Лихошерстов приходил с колбочкой, в которой было маслообразное вещество, и стеклянной палочкой терпеливо растирал это масло (не помню, правда, чтобы что-нибудь закристаллизовалось прямо на коллоквиуме). Одно из выражений Коли Молодцова – на вопрос о том, почему он не сделал элементный анализ, он ответил: «А зачем? Ведь анализ

может быть и плохим». Афоризм Шибаяева: «Фермент – это должным образом организованная в пространстве кислота или щелочь». С сожалением отмечу (ну вот, старческое ворчание!), что сейчас нет того, что существовало и «в доброе старое время» в ИХПС, и потом долго в стенах ИОХ: коллоквиум как форма научного общения объединял практически всех сотрудников Лаборатории, все были в курсе дел каждого. И еще коллоквиум знакомил нас с границей глазами Н.К. Кочеткова, вернувшегося из поездки на очередную углеводную конференцию. Когда один аспирант невинно спросил его: «Ну, как отдохнули, Николай Константинович?», он с гневом ответил: «Я не отдыхал, я работал!».

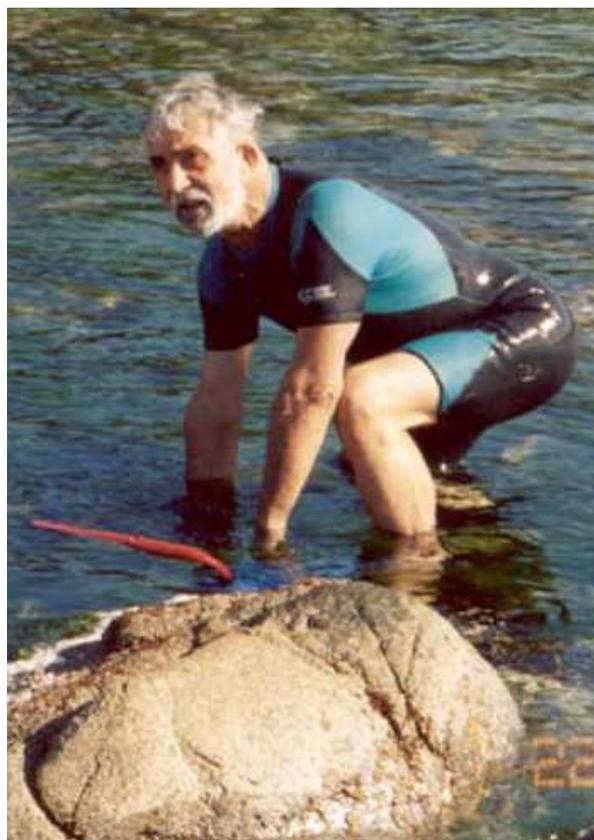
В составе Лаборатории, в основном, была молодежь. Кочеткову в 1960 г. было 45 лет, Варваре Андреевне Деревницкой немногим больше. «Лишнюю» энергию гасили спортивными занятиями. Например, вечером соревновались в прыжках в длину с места (в коридоре), Васьковский и Дмитриев тренировались по программе «школы молодого отца»: баюканье «младенца», в роли которого был кислородный баллон, и приседания с ним на плечах. Соперничество с лабораторией антибиотиков Шемякина (там работал нынешний директор ИБХ академик В.Т. Иванов) проявляли, играя в футбол (Иванов не играл). Во дворе ИХПС была огороженная площадка, на ней в обеденный перерыв зимой (не помню, чтобы играли летом) рубились 5 × 5 (или меньше) с неизменным результатом – мы им дико проигрывали. Васьковский и Грачев были ужасно азартными, но против мастерства (а однажды в их команде был игрок дубля «Зенита») у нас ничего не получалось.

Многие тогда работали в Лаборатории допоздна. Решено было учредить дежурство; в задачу дежурного входило поить «вечернюю смену» чаем. Кто-нибудь (часто это был Бочков) выходил в коридор и громогласно восклицал: «Чай!». Миша Турчинский принес из дома магнитофон «Днепр» (он называл его дедушкой советского магнитофоностроения), на бобинах у него была записана Новелла Матвеева. Чай под музыку, как же это здорово!

Совершенно невероятными событиями были поездки за границу. А вот иностранцы (лорд Тодд в их числе) не чурались посещения нового Института и новой углеводной Лаборатории. Я помню визиты к нам Хардеггера (Швейцария), Баркера и Фостера (Англия), Джонса (Канада). К Джонсу потом поехал в командировку Дмитриев, а, вернувшись в 1970 г., организовал изучение липополисахаридов бактерий. Как мы знаем, неплохо это у него получилось! Еще раньше в длительных командировках на Кубе побывали Леня Лихошерстов и вслед за ним Сережа Кара-Мурза. Так и хочется сказать: «Наш человек в Гаване». Но нет, они оба были в Сантьяго-де-Куба. А как же после этого Леня танцевал на наших parties! Не иначе как научился у местных.

В здании бывшего Института горного дела (ул. Вавилова, 18, «Желтый дом») кроме ИХПС размещался и Институт радиационной и физико-химической биологии (теперь Институт молекулярной биологии), директором которого был академик В.А. Энгельгардт. Мы со многими биологами дружили, что не удивительно: ведь наша Лаборатория называлась Лабораторией химии углеводов и нуклеотидов, а нуклеиновыми кислотами в ИРФХБ занимался чуть не каждый второй. Но дружба дружбой, а лидерство врозь! Мы (ИХПС) их «сделали» на конкурсе КВН с перевесом в одно очко! Одно из заданий (его с блеском выполнил Бочков): из аккумуляторного стакана (без носика!) перелить без потерь 2 л воды в мерную (естественно, узкогорлую!) колбу на 2 л. Ясно, что без воронки.

Васьковский, который, помимо всего прочего, занимался подводным плаванием, организовывал летние воскресные походы на озеро Светлое в Ногинском районе. Немало времени отнимала дорога (электричка + еще километров 5-6), но выезжали с палатками довольно часто. Почему-то считалось, что в этом озере много раков, и их надо было ловить. Даже акваланг с собой брали (его нес Васьковский). Ну, обильных уловов на моей памяти не было. Несколько раз выезжали с байдарками на Истринское водохранилище в районе Солнечногорска. И Кочетков наравне со всеми и у костра сидел, и в палатке ночевал. Часто ходили в зимние походы на лыжах. С такими мастерами, как Толя Усов и Леша Бочков, было надежно, но тянуться за ними было непросто, и уставали ужасно.



В.Е. Васьковский

В 1969-1970 гг. в Лаборатории в ИОХ был американец Сэм Кирквуд, охотник, рыболов, спортивный человек. Он работал в комнате 419 и легко взбегал на 4-й этаж, никакого лифта (в 50 лет)! Так вот, в очередное воскресенье взяли и его с женой на cross country skiing. Им всё дико понравилось, и мы показали все ++ и все -- подмосковного лыжного спорта. Одна девочка сломала ногу (не думаю, что специально для американцев), а до станции было еще порядочно. Бочков командовал, нарубили деревьев, сделали что-то вроде волокуши и доволокли. А что, у всех осталось то еще впечатление.

Праздники по случаю защит диссертаций отмечали не в институтской столовой, а в ресторанах, ну, в крайнем случае, в кафе. Первыми в 1962 г. были В.А. Деревицкая (докторская) и О.С. Чижов (кандидатская), ресторан «Юность» (около метро «Спортивная»). В 1963 г., когда все (кроме «юбиляра», Васьковского) выпивали и закусывали в кафе на углу Люсиновской и Большой Серпуховской, в его честь прозвучали поэмы и песни, сочиненные, в основном, Бочковым. Например:

Стою я в атмосфере селеновых паров,
И вдруг ко мне подходит кореш мой Олег Чижов...

или:

Васьковский буги,
Васьковский рок!
Васьковский пьет
Томатный сок!

(суть в том, что Васьковский никогда не пил ни капли спиртного).

А после самой защиты Витю подняли на руки (весил он тогда немало!) и понесли из конференц-зала по коридору мимо кабинетов руководства ИХПС. Так и пошло, всех «мальчишек» выносили на руках, с шумом и гамом. До поры до времени: в день защиты диссертации Борей Дмитриевым директор строго-настрого запретил «это безобразие». Пришлось выносить на руках чучело в Борином халате.

Самодеятельность была почти после каждой защиты. И другие важнейшие события не оставались без песен. Например, «Черная книга». Там были такие слова:

Мы решили выпить в пятницу,
Но мест свободных не-е-е-ет...

(на мотив «Аскольдовой могилы») и дальше:

Оказалось, «Прага» занята,
Оккупирован «Берлин»...

Это в 1967 г.

Ритуал был таков: после двух-трех тостов я громко спрашивал Володю Дёмушкина: «Дёма! Пора?». Он отвечал: «Не пора». Через некоторое время опять: «Дёма! Пора?». Он опять: «Не пора!». Наконец, разрешал, когда все уже были в достаточной мере «готовы».

После назначения Н.К. Кочеткова директором ИОХ в 1966 г. с ним на новое место работы перешла бóльшая часть Лаборатории. В ИХПС остались Э.И. Будовский и А.Я. Хорлин со своими группами, ставшими лабораториями. Формально наша Лаборатория влилась в коллектив ИОХ в начале января 1967 г., когда появились приказы «Зачислить...». Нужно было «занимать плацдарм» на новой территории. Началась интенсивная работа: сортировка нажитого за несколько лет добра, упаковка, погрузка на какой-то автотранспорт (не помню, какой) и, в основном, на саночки.

Едем на санках, ящики возим,
Мы за науку ноги морозим.
Из ХаПэЭса в ИОХ переходим.
Что-то теряем, что-то теряем,
Что-то теряем, а что-то находим...

Наверное, это было необычное зрелище для тех, кто наблюдал наш переезд со стороны. Люди в халатах (а ведь зима!) везли на санках по улице Бардина какие-то странные грузы, и эта процессия исчезала за воротами ИОХ. В самом здании на 4 этаже эти грузы рассасывались по комнатам, которые для нас уже освободили. Затем налегке снова катились за новой порцией своих драгоценных колб, эксикаторов, испарителей. Несмотря на масштаб «переселения народов», на неизбежность приспособления к новым стандартам (например, «наши» вилки не подходили к «их» розеткам, электрики должны были это все менять), акция завершилась довольно быстро. Во всяком случае, у меня ощущения катастрофы не было. Не помню, кто первый стал упаривать растворитель на роторе, не Леня ли Лихошерстов?

В ИОХ мы в течение о-о-очень долгого времени были чужеродным телом. Ведь обычно новичков бывает один-два, они не очень-то и заметны, а тут целая лаборатория, да еще директорская! В столовой стоило одному встать в очередь, как к нему пристраивались все «свои». При этом «местные» отодвигались всё ближе к двери. «Ну, конечно! 21-я пришла!».



В.П. Демушкин

И в дирекции всё поменялось: от секретаря директора и замов до порядка визирования статей. Раньше (говорят) директор практически не читал рукописи статей и подписывал направление в редакцию, имея на руках «слепой» пятый экземпляр. Но с Кочетковым этот номер не прошел: он шумно потребовал от авторов уважения к себе, то есть удобочитаемого текста. «Он читает все статьи!» – стали говорить про него.

Наша тематика была не совсем «в струю». Многие видные ИОХовские ученые восторгались: «Сколько же в его соединениях асимметрических центров!» (а его заслуги никакой – все эти центры от Бога) или интересовались: «Скажите, вы работали с оптически активными соединениями или с рацематом?». И диссертант выглядит слабо, он никак не может понять, о каком рацемате может идти речь, если исходное соединение – природная глюкоза. Пришлось очень долго доказывать, что мы – не инопланетяне, что наша химия – органическая химия. И, мне кажется, доказали: примером тому служат многочисленные призовые места на молодежных и общеинститутских конкурсах.

Лаборатория заявила о себе как о лидере очень скоро после своего появления на свет. Всесоюзные конференции по химии и биохимии углеводов стали возглавляться не биохимиками, а химиками. На этих конференциях в Москве, во Львове, в Ростове-на-Дону, в Тбилиси, в Пущино ключевые доклады – заслуженно наши. К нам потянулись люди для совместных работ, это стало явным признанием нашего передового положения в отечественной химии углеводов. Не могу вспомнить всю географию, но то, что нашими «городами-побратимами» были и Владивосток, и Кишинев, и Тбилиси, и Иркутск, и Киев, и Симферополь, – это точно.

Сергей Кара-Мурза защитил докторскую диссертацию по истории и методологии науки и техники. Он еще раз доказал, что история – это не только давно прошедшее. То, что мы пережили сегодня, уже история. Что ж, история нашей Лаборатории продолжается.